

**«Тушат зажженную у иконы свечу и смотрят...»:
ИЗ ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
СТАНИЧНОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ**

Аннотация. Статья посвящена собирательнице фольклорно-этнографического материала на Тереке народной учительнице Е.Н. Бутовой, которая в 1880-х – 1890-х гг. преподавала в казачьих станицах и посвящала свой досуг работе по программе «Описания местностей и племен Кавказа» Кавказского учебного округа. Созданные ею очерки традиционной культуры станиц Ищерской и Бороздинской, а также публикации сказок и песенного материала выполнены в духе описательной этнографии XIX века. Тем не менее материалы Е.Н. Бутовой совокупно с другими публикациями дореволюционных станичных краеведов позволяют более поздним исследователям проследить динамику традиционной культуры терского казачества, переосмыслить с помощью современной методологии накопленные собирателями факты.

Ключевые слова: собирательство фольклорно-этнографического материала, терские казаки, Кавказский учебный округ, духовная культура, вера и верования, материальная культура, сказки, станичная школа.

Abstract. The article is dedicated to the collector of folklore and ethnographic material on the Terek the folk teacher E. N. Butova, who in the 1880s - 1890s. taught in the Cossack villages and devoted her leisure time to the work on the program "Descriptions of the localities and tribes of the Caucasus" of the Caucasian educational district. Her essays on the traditional culture of the villages of Ischarkaya and Borozdinsky, as well as the publication of fairy tales and song material, were created in the spirit of descriptive ethnography of the 19th century. Nevertheless, the materials of E. N. Butova, together with other publications of pre-revolutionary local village historians, allow later researchers to trace the dynamics of the traditional culture of the Terek Cossacks, to rethink the facts accumulated by collectors with the help of modern methodology.

Key words: collecting folklore-ethnographic material, Terek Cossacks, Caucasian educational district, spiritual culture, faith and beliefs, material culture, fairy tales, village school.

Матвеев Олег Владимирович (Matveev Oleg Vladimirovich) – профессор Кубанского государственного университета, доктор исторических наук / vim12@rambler.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2020. № 24. С. 63-78.

ISSN 2687-1122 || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 39, 394 / 929

ББК – 72.3 / 82.3 (2Рос=Рус)

В казачьих станицах Терской и Кубанской области в дореволюционный период трудилось немало учителей, которые успешно совмещали преподавание в местных школах с научной, фольклорно-этнографической работой: В.В. Кикоть, П.А. Востриков, В.В. Пятирублев, Ф.Ф. Арканников, Д.Я. Иванов и др. Вполне достойна быть представленной в этом ряду Е.Н. Бутова. Этого незаурядного педагога и собирателя нередко упоминают и ссылаются на её работы в исследованиях по истории традиционной культуры терского казачества [1], но в сведениях о ней авторы не идут дальше повторения скромной подписи под публикациями в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа» – «учительница Борздиновского станичного училища Е. Бутова».

Между тем данные о собирательнице обнаруживаются уже в «Памятной книжке Кавказского учебного округа» на 1880 г. Там сообщается, что в одноклассном училище станицы Ищёрской состоит учительницей Елена Николаевна Бутова, с правом обучения, окончившая Моздокское женское училище и имеющая звание учительницы народных училищ. В должности состоит с 1878 г., получает содержание 200 руб. в год [2]. В Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия-Алания сохранилось тоненькое дело учительницы, состоящее всего лишь из двух кратких документов. Первый представляет собой свидетельство, выданное полицмейстером г. Моздока 27 сентября 1878 г. о нравственном состоянии и поведении учительницы. Из документа следует, что настоящая фамилия нашей героини – Бут, она происходила из солдатской семьи и к работе в школе могла быть вполне допущена. «Дано сие от Моздокского городского полицейского управления, – писал Моздокский полицмейстер подполковник П.Д. Ницык, – дочери отставного унтер-офицера Николая Бут, Елене Николаевне Бут в том, что она девица вполне достойная; в том подписью с приложением казенной печати удостоверяется» [3]. К сожалению, в документе не указывается возраст Елены Николаевны. Свидетельство было дано, по-видимому, для поступления на службу после окончания Моздокского училища. Звание учительницы начального училища обычно получали девушки 19–22 лет.

Моздокское Александровское женское училище, которое было организовано по программе среднего образования и давало звание народной учительницы, было двухклассным с двухгодичным курсом в каждом. В первый класс принимались девицы всех сословий православного и армяно-григорианского вероисповедания [4]. Среди учениц

Дед и внук

были русские, осетинки, чеченки, армянки, грузинки, поэтому Леночка Бут довольно рано окунулась в полиэтнический мир Притеречья, познакомилась с традициями и культурными особенностями земляков и соседей русского населения. «Достойной», по словам полицмейстера, она, очевидно, была не только в плане политической благонадежности, но и в учебе: унтер-офицерская дочь овладела знаниями в области истории, богословия, географии, русского языка, литературы, которые впоследствии помогли ей вести собирательскую работу в казачьих станицах.

Второй документ в деле датирован 12 июня 1891 г. и представляет собой сведения о перемещениях Е.Н. Бутовой по службе, предоставленные инспектору народных училищ Терской области 2-го участка Дирекцией народных училищ Терской области. Согласно ответу на запрос, «г-жа Бутова 16 декабря 1878 г. была назначена на должность учительницы Умахан-Юртовского ст. училища, на каковой должности находилась по 16 сентября 1879 г.» [5]. Преобразование окончания фамилии на русский манер, возможно, было связано с преобладанием в станице старообрядческого населения, которое свысока относилось к местным православным малороссам [6]. Другая

Ст. Баталпашинская. Станционное правление

причина могла быть в том, что девушка сама встала на ноги, начала служить и, по-видимому, была не чужда модным тогда среди женской молодежи идеям эмансипации.

Станица Умахан-Юртовская располагалась на правом берегу р. Сунжа при впадении в неё р. Белки. Школа здесь была открыта в 1871 г. с трехгодичным обучением, но учеников у Елены Николаевны оказалось немного. Во-первых, большинство казаков станицы были старообрядцами. Как отмечал несколько позже местный учитель В.В. Кикоть в описании ст. Умахан-Юртовской, старообрядцы «пренебрегают православными и не отдают обучать своих детей в станичную школу, считая преподавание в ней еретическим. Они имеют свои школы, где исключительно обучают славянскому чтению по старопечатным книгам» [7]. Православные же станичники, «хотя сознают пользу школы, и отдают своих детей, но по бедности, часто берут их из школы до окончания курса, как подрастающих работников» [8].

Во-вторых, условия, в которых приходилось трудиться молодой учительнице, также мало соответствовали успешному обучению. В.В. Кикоть описывал Умахан-Юртовскую школу следующим образом: «В классе освещение с правой стороны, что вредно ученикам; двор очень мал; квартира учителя состоит из одной комнаты, длиною в 3 арш., шириною — 3 арш. Столы очень неудобны, неустойчивы, простой топорной работы; скамьи такие же и сделаны не по росту учеников. Классная доска — одна для трёх отделений, и та очень

мала. Пособий для наглядного обучения почти не имеется: есть одни простые счеты» [9]. Не исключено, что всё это вместе взятое заставило девушку после года работы в Умахан-Юртовской просить Дирекцию народных училищ о переводе.

16 сентября 1879 г. Е.Н. Бутову переводят в школу ст. Ищёрской [10]. Здесь она познакомилась с богатым миром традиционной культуры потомков волгских казаков, который позже опишет в совместной работе с М.С. Лысенко. Однако и здесь Елена Николаевна не задержалась: 20 августа 1880 г. она вышла в отставку [11]. О причинах отставки можно только гадать, но спустя несколько месяцев Бутова «6 ноября 1880 г. была вновь назначена учительницей в Бороздиновское станичное училище» [12].

Станица Бороздинская (Бороздиновская) находилась в 12 верстах от г. Кизляра и в 3-х верстах от ст. Дубовской, через которую шёл почтовый тракт на Кизляр и далее — к пристани Брянской на Каспийском море.

Станичные школы являлись островками культуры и просвещения населения Терской области. Содержались они на общественные средства, из которых выплачивалось и жалование учителям. Так, Елена Николаевна Бутова получала в 1885 г. 240 руб. содержания, законоучитель священник о. Алексей (Молчанов) — 35 руб. [13], отдельно суммы выделялись станичным обществом на приобретение пособий, наем сторожа, отопление и освещение, канцелярские расходы и на ремонт здания училища. Положение учительницы при

этом было незавидным, поскольку ей приходилось буквально выбивать эти средства у станичного схода, униженно просить у станичного атамана и членов правления приобрести книги для библиотеки, наглядные пособия, спортивный инвентарь. Тем не менее в Бороздинской Е.Б. Бутова прижилась надолго, учила детей арифметике и русской грамматике, чистописанию, основам познания окружающего мира. При этом она имела возможность ежедневно наблюдать жизнь станичников, общалась с детьми и их родителями, беседовала со старожилками. Под впечатлением публикаций фольклорно-этнографических материалов в «Сборнике для описаний местностей и племён Кавказа» (СМОМПК), который издавался Управлением кавказского учебного округа, у молодой учительницы, не обремененной семьей, возникает желание попробовать свои силы в этом направлении на местном материале.

Ещё в первом выпуске СМОМПК в 1881 г. Управление Кавказского учебного округа поставило задачу поддержания «духовной деятельности начальных учителей, этих полезных, но большею частью молодых и неопытных в жизни тружеников, обязанных иногда многие годы оставаться в среде сельских обществ» [14]. Управление округа обращало внимание на «всевозможно-всестороннее изучение ими тех местностей, в которых они живут и где сосредоточена их деятельность». Считалось, что это «серьёзное и весьма полезное занятие<...>, имея значение умственно освежающего труда, окажет благотворное влияние и на педагогическую их деятельность» [15].

Для учителей была разработана специальная «Программа собирания сведений о разных местностях Кавказа и племенах, населяющих оныя», которая предполагала привлечение учеников к собиранию статистико-этнографических сведений «с целью возбуждения в них правильной наблюдательности и образования сознательного взгляда на явления, их окружающие» [16]. Методическая часть сопровождалась разъяснениями по руководству собирательской работой («разъяснении способов собирания статистических сведений по этнографии, школоведению, торговле и пр.; в приручении их к производству метеорологических и естественно-исторических наблюдений с надлежащими вычислениями, в составлении планов, рисунков и пр.») [17].

Программа включала вопросы, в том числе, этнографического характера: топонимия селения («происхождение такого названия, или по местным особенностям, или по племени, или на основании исторических фактов, или же на основании преданий»), жилище («Жилые дома и храмы в архитектурном отношении. Распределение и назначение внутренних помещений. Материал, из которого они преимущественно строятся, и способы постройки»), традиционные занятия, сведения о сословном, национальном, конфессиональном составе населения, соционормативной культуре («Авторитет отца семейства. Положение женщины»).

Отдельные пункты Программы были посвящены языковым особенностям: «Язык домашний и язык, употребляемый при взаимных сношениях

Ст. Баталпашинская. Женская гимназия

Школа для девочек

с другими народностями. Сродство языка, господствующего в местности, с другими языками. Есть ли этот язык родной жителей, или он усвоен ими при переселении в обитаемую ими теперь местность». Программа включала также сбор сведений по фольклору: «Предания, легенды, сказки и песни исторические, бытовые и пр. Песни хоровые и одноголосные. Мифология. Пословицы. Поговорки».

Специально предусматривались разделы о верованиях: «Суеверия и предрассудки. Нет ли в числе обрядов, суеверных предрассудков, преданий и легенд, таких, которые бы указали на древний культ, языческий или христианский». Кроме того, были включены вопросы о религиях и сектах, традиционной кухне, одежде, обрядах жизненного цикла, традиционных формах досуга, традиционном воспитании [18].

Учительские работы, выполненные по этим программам, предлагалось отправлять в редакцию «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа». Преподаватели станичных училищ Терской области весьма сочувственно отнеслись к этому призыву. Известный русский фольклорист и лингвист В.Ф. Миллер писал об учительских работах в СМОМПК: «Какой-нибудь скромный учитель, преподающий в аульной или станичной начальной школе, знакомясь с программой, разосланной округом, приходил к убеждению, что и он, в своем захолустье, может сделать нечто полезное для науки, что население, которое он ежедневно видит вокруг себя, его

обычаи, песни, поверья, наконец весь несложный строй его жизни могут быть предметом наблюдения и научного описания. Заинтересованный новым делом, он принимается за работу, наблюдает внимательно то, мимо чего прежде проходил равнодушно, выспрашивает, записывает, узнает ближе своих учеников и их родителей, словом, в его однообразное существование проникает луч света, вносится живое дело, столь же интересное для него, как для его учеников и односельчан. А какой подъем духа должен испытывать скромный труженик, когда увидит свою работу в печати, когда убедится, что работал не бесплодно, а внес свою лепту в дело научного изучения родного края? Думаю, что для многих из этих сотрудников «Сборника» появление их труда на его страницах составит лучшее воспоминание в их однообразной трудовой жизни» [19].

Елена Николаевна взялась за эту работу. Она записывала песни на девичьих «сиденках», давала задание ученикам записать дома сказки, пословицы, поговорки, беседовала со станичниками о вере и верованиях, присматривалась к устройству казачьих жилищ, семейным взаимоотношениям. Постепенно стал накапливаться полевой материал, который надо было классифицировать, выявлять общее и особенное. По-видимому, Елена Николаевна продолжала поддерживать связи и со станицей Ищёрской, где раньше преподавала, и при случае фиксировала сведения о традиционной культуре ищёрцев. Не исключено, что она переписывалась с местным священником, которого знала

по работе в училище: о. Флегонт (Оршанский) служил в Ищёрской с 1867 г. [20]. С 1 января 1887 г. в Ищёрской стал работать учителем М.С. Лысенко, с которым Елена Николаевна могла познакомиться на собраниях учителей, устраиваемых инспекторами народных училищ. По-видимому, ей удалось привлечь ищёрского преподавателя к собирательской работе.

Работа по фольклорно-этнографическому описанию станицы Бороздинской между тем шла, и постепенно ложилась на бумагу. С нескрываемым волнением, по-видимому, Елена Николаевна отправилась в Кизляр, где имелось почтовое отделение, и отправила почти 150-страничную рукопись в Тифлис. Произошло это, судя по дате в конце текста, в 1888 году. Однако лишь спустя год, в 7-м выпуске СМОМПК была опубликована её работа «Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа».

Е.Н. Бутова обозначила географическое положение и границы Бороздинской, привела рассказанное ей местное предание о происхождении названия станицы: «Около того места, где полагалось основание станице, была лощина; по краям лощины росли тутовые деревья; лощина эта тянулась на несколько верст, была ровна, как проведенная плугом *борозда*, и называлась *Тутовой бороздой*: отсюда-то и произошло название и самого поселения — *Бороздинка*» [21].

Затем учительница сообщила некоторые исторические сведения о станице. Бороздинскую заселили казаки Терско-Семейного казачьего войска в 1736 г. В первой половине XIX в. население станицы пополнили беглые солдаты-мусульмане из казанских татар, выведенных русским командованием из гор, пленные тавлинцы* а также из Харьковской губернии. Из-за сильных подтоплений станица несколько раз меняла свое расположение. Е.Н. Бутова указала, что пространство Бороздинской имеет форму почти правильного четырехугольника, вытянутого с юга на север. «Посередине этого четырехугольника, ближе к его восточной окраине, находится довольно просторная площадь, середину которой занимает церковь и её двор, — говорилось в описании. — Улицы, прорезывающие станицу, — или идут параллельно друг другу, или пересекаются другими, под прямым углом; они довольно узки, сорны, а в дождливое время ещё и очень грязны» [22]. Несмотря на то, что земли у бороздинцев было в то время достаточно, дворы устраивались небольшими. «Тесноту дворов и узость улиц объясняют тем, — отмечала Елена Николаевна, — что

станция устраивалась в беспокойное время, когда жить теснее, ближе друг к другу, было безопаснее, да и канаву, в таком случае, приходилось рыть вокруг станицы меньших размеров и делать меньше плетня». С одной стороны двора ставился дом, «с другой — *хата* или *сакля*, а в промежутке между ними службы, называемые здесь *кухнями*, из которых одна — *чихирня*, где хранится вино, другая — *мучная*, где находится мука и др. хозяйственные припасы». По длинной стороне дома, говорилось в описании, «всегда тянется терраса, или, по крайней мере, навес, и так называемое крыльцо». В доме устраивались одна или две комнаты, разделенные просторными сенями. Печей в доме большинство бороздинцев не устраивали, «потому что в домах-то и не живут», а хранят хозяйственный скарб и по великим праздникам принимают гостей. Вседневым жилищем, по словам Е.Н. Бутовой, служили турлучные сакли. Автор описывает технологию возведения сакли, внутреннее убранство «по-азиатски», посуду, традиционную систему питания бороздинцев.

В последней выделена лапша, которая готовилась «едва ли не ежедневно», рис с рыбой — «по местному *плов*», вообще «в станице много употребляют рыбы, которую едят и свежую, и соленою, и копченою». «Делают галушки с чесноком, — сообщала Е.Н. Бутова, — также — *финкалы*; последние готовятся так — замесят тесто, тонко его раскатают, порежут квадратиками и спустят в кипяток; когда эти ломтики теста сварятся, их вынимают из воды, обливают коровьим маслом, сливками или простоквашей и толченым чесноком, и кушанье готово. Финкалы варят из баранины; для этого баранину мелко режут, варят и затем мешают её с финкалами» [23].

Подробно описано питание в постные (плов с сушеным виноградом, похлебка с овощами и квасом, пареная капуста с маслом и др.) и праздничные дни (*куерма* — жареная баранина с подливкой, пышки, пироги с сарацинским пшеном, *панпушки* с толченым маком и медом и др.).

Специальный раздел Е.Н. Бутова посвятила описанию повседневной и праздничной одежды и обуви мужчин и женщин. «Костюмы носят азиатские», — отмечает исследовательница, — однако тут же поправляется и приводит второе название, подчеркивающее казачий маркер: «гребенские»: «такие костюмы начинают носить от ст. Червлёной и носят во всех станицах вниз по Тереку». Страсть к нарядам у бороздинцев доходит до того, что «они предпочитают оставаться несколько дней

*Тавлинцы — устаревшее наименование горцев Северного Дагестана

Терские казаки. Начало XX в.

без пищи, только бы иметь нарядный костюм». В качестве основы мужского костюма называется черкеска из черного или коричневого сукна, бешмет (*халат*) из ситца, рипса, бумазеи дыма, атласа для лета и весны, рипсовые или верблюжьего сукна шаровары, курпейная шапка с синим суконным верхом; женского — рубаша и *распашка* (юбка с лифом и треугольным вырезом на груди), длинный кафтан (бешмет) со множеством сборов у пояса, пояс — из серебряного галуна и с серебряными пряжками.

«На голове женщины носят обыкновенно ситцевые, шерстяные или шелковые платки, которые повязывают так, что почти закрывают лоб; на макушке спереди назад образуется углубление (канавочка), которую называют *шириночка*; концы же платка располагают так, что они торчат, точно рожки. Замужние женщины носят на голове особый убор, именуемый — *сорочка* (нечто вроде *очипка*). Устраивается он так: берется деревянная палочка, обтягивается ватой и обшивается ситцем; затем скручивают из ваты полукруг, который тоже обшивают ситцем; обе эти части потом скрепляются вместе, так, что образуется полукруг, концы которого стягивают диаметром; полукругом надевают к затылку, а прямой палочкой ко лбу. Косы кладут на голове к сорочке и подвязывают *подкосник* (в праздники малиновый-кашмировый, в будни кумачный); сверх подкосника повязывают платок, так, чтобы был виден подкосник», — отмечала Елена Николаевна [24]. Вообще, по её словам, «одеваются бороздин-

цы довольно красиво и чисто, лучше всех других казаков, кроме гребенских».

Отдельный раздел работы посвящен системе орошения, почвам и особенностям местного климата. Описывает Е.Н. Бутова животный и растительный мир окрестностей станицы, казачьи повинности, промышленные заведения Бороздинской, «физические и нравственные качества» населения. По словам народной учительницы, «бороздинцы народ необразованный, грубый, мало развитый умственно, но в то же время гордый и заносчивый. Уважение к личности у них определяется силою, с которой данная личность может «жать» и давить; если же за личностью нет такой силы, то не ждать ей от бороздинца какого-либо уважения, особенно, если эта личность не принадлежит к казачьему сословию».

Е.Н. Бутова обращает особое внимание на казачье самосознание: к иногородним «у казаков проявляется даже какая-то враждебность или, правильнее, презрение, вытекающее из того, что казак считает себя выше и благороднее всякого другого сословия; по этой же причине казак в редких случаях выдает свою дочь замуж за не-казака, или женит сына на не-казачке. Враждебность казаков к лицам не-казачьего происхождения простирается даже на мертвых. Рассказывают, что когда мать одной казачки погребли вблизи могилы не-казака, дочь подняла страшный вой, приговаривая: «Милая моя матушка! Или тебе лучше места не было! Положили тебя, родимая матушка, рядом с шаповалами» (*шаповалами* называли старые ка-

заки позднейших переселенцев из России. Слово это и до сих пор считается между казаками *бранным*)» [25].

По-видимому, с точки зрения «прогрессивных» взглядов тогдашней учительской интеллигенции и идей феминизма Елена Николаевна оценивает распределение обязанностей в семье, указывая на бесправие казачек, их загруженность тяжелым трудом, господство физической силы в семейных отношениях и грубость.

Подробно описаны в очерке традиционные занятия бороздинцев: земледелие, луговое хозяйство, скотоводство, садоводство и огородничество, рыболовство, изготовление колёс и *ароб*, бондарное ремесло, изготовление орудий рыбного лова.

Немало места в работе отведено досугу, гуляниям, играм и праздникам казаков ст. Бороздинской. Особый интерес представляет описание игры «держатъ и брать города», которая устраивалась на Масленицу. На длинную скамейку становились девушки с палками в руках. Против них ополчаются мужчины верхом на лошадях «брать город», причем принимали участие в этом действе даже старики и мальчики 8 лет. Девушки палками отмахивались от подскакивающих всадников, причем били «без всякой жалости почему бы ни попало; иной раз так избыют, что и он и лошадь обливаются кровью». «Взявшие город» получали право перецеловать всех находящихся на скамейке девушек, но «достичь этого удовольствия никому в отдельности не удаётся» [26]. Интересно описание шуточного обычая, занесенного, как считала Е.Н. Бутова, первыми переселенцами, когда на второй день Пасхи всякого, кто не был «у заутрени, обливают у колодца холодной водою. Не желая подвергаться довольно неприятной шутке, провинившийся предлагает за себя выкуп, конечно, на выпивку»

Рассказала Бутова и о поминании усопших на Фоминой неделе, завивании венков и пире в складчину с яичницей на Троицу, местном престольном празднике в память Св. Дмитрия Ростовского. Обзорно представлены свадьба, родины и крестины, похоронно-поминальная обрядность станицы Бороздинской.

Отметила исследовательница билингвизм казаков: «Языком населения ст. Бороздинской служит, главным образом, — язык русский, но, благодаря тому, что по соседству находится много ногайцев, с которыми казаки имеют частые сношения, они знают хорошо и язык ногайский; им они нередко пользуются даже в разговоре между собою» [27].

Всё население станицы исповедовало православие, «сектантов нет» — заметила автор очер-

ка. Однако «влияние священника на паству, несмотря на добросовестное его к своему делу отношение, сравнительно незначительно, чему немаловажной причиной служит грубость и малоразвитость населения, подверженного суевериям и предрассудкам». Здесь Елена Николаевна явно тенденциозна, следуя надуманной задаче выяснить, кто главный хранитель веры: священник или станичники. Сказывается отсутствие у молодой женщины собственного духовного опыта. Она приводит далее 21 пример так называемых «суеверий». Так, «когда священник, причастив больного, обратится уходить из комнаты, тушат зажженную у иконы свечу и смотрят, в какую сторону пойдет от неё дым: если он пойдет к иконе, значит больной будет жив; если же за священником, то умрет».

Чтобы «ведьмы не засасывали детей, продают длинный кол в ступицу (трубица) колеса и ставят на дворе». Узнать колдунов и ведьм можно при выходе из церкви перед Пасхальной заутреней с иконами для совершения крестного хода: «ведьмы и колдуны не пойдут за иконами, а направятся в боковые двери; когда же процессия зайдет в притвор и запоят «Христос воскрес», ведьмы и колдуны будут держаться за косяки дверей» [28].

Чтобы «испортить изменившего в любви, ловят черепаху или змею, убивают её, раздирают и вешают на дерево, а под деревом, против повешенного гада, кладут кусок хлеба, на который должен капать жир гада, когда пригреет его солнце. Окапанный жиром змеи или черепахи хлеб сушат и трут в порошок, который и всыпают в кушанье или в питье: последнее подносят изменившему любовнику». К счастью для начинающей исследовательницы, она не берется толковать эти тексты, но само определение их как «невежественных суеверий» обнаруживает неважное знание народной религиозности [29].

Затем, более 100 страниц работы занимают песни и сказки, зафиксированные Е.Н. Бутовой в станице Бороздинской. Песни, по тогдашней классификации, Елена Николаевна разделила на свадебные, любовные, бытовые, шуточные и исторические. Причем бытовые делятся, в свою очередь, на семейно-бытовые, военно-бытовые, «приуроченные к некоторым моментам в году, важным в каком-либо отношении», в числе которых приведены Троицкие, «колядские» и «великопостные». Среди исторических представляет интерес «Как на реке было, на Камышенке», где вождем гребенских казаков выступает Ермак Тимофеевич, песни о князе Салтыкове и о генерале Паскевиче.

В работе приведены 4 текста сказок: «Жена-спорщица», в которой казак отделался от своей

жены, делающей все наперекор; «Про коня-молодца», в которой реализуется идея народных верований о чудесном превращении в птиц и зверей; «Несчастный сад», в которой Иван-царевич разыскивает царских дочерей, использует «сильную» и «бессильную воду», меч-кладенец, строит три дворца и разоблачает коварных генералов; и «Незнайко», где главный герой Магометан Магометанович добывает себе коня, царскую дочь и полцарства впридачу.

В целом очерк Е.Н. Бутовой о станице Бороздинской вполне отвечал уровню описательной этнографии второй половины XIX в., хотя и имел очевидные недостатки: культура бороздинцев не осмысливалась, как целостная, сложная и динамическая система, играющая важную роль в жизнеобеспечении станичников, а раскрывалась эпизодически, исходя из своеобразного понимания прогресса и долга, которые образованное меньшинство якобы должно нести «невежественному», погрязшему в предрассудках народу. Тем не менее, материалы Е.Н. Бутовой совокупно с другими публикациями дореволюционных станичных краеведов, позволили более поздним исследователям (Л.Б. Заседателева, Н.Н. Великая, Е.М. Белецкая, А.Ф. Григорьев и др.) проследить динамику традиционной культуры терского казачества, переосмыслить с помощью современной методологии накопленные собирателями факты.

Вдохновленная успехом первой публикации, Елена Николаевна взялась за составление очерка по станице Ищерской, продолжая в то же время накапливать полевой материал по Бороздинской. Спустя 6 лет, в 16 выпуске СМОМПК было опубликовано сочинение «Станица Ищерская, Пятигорского отдела, Терской области», составленное, как следует из подписи, «на основании данных, предоставленных учительницами Бутовой и Лысенко» [30]. Но в публикацию вкралась ошибка: никакой «учительницы Лысенко» в Ищерской никогда не было. Зато 30 декабря 1886 г. сюда был назначен учителем в местную школу М.С. Лысенко.

Михаил Степанович Лысенко родился в 1867 г., происходил из государственных крестьян, окончил в 1885 г. Владикавказское Николаевское городское училище, затем был прикомандирован к тому же училищу «для прохождения педагогики, дидактики и методики», подвергся «испытаниям на звание учителя городского приходского и начального училища и, выдержав оное, получил свидетельство» [31]. Спустя месяц его назначили в Ищерскую. Здесь он включает в обследование станицы по Программе Кав-

казского учебного округа. В 1889 г. появляется его первая небольшая заметка по промыслам и ремеслам в станице Ищерской, вышедшая в 8-м выпуске СМОМПК [32].

21 августа 1890 г. Попечитель Кавказского учебного округа «за усердное и успешное исполнение учительских обязанностей» объявил М.С. Лысенко благодарность, и учителю было предложено занять должность письмоводителя в Терской дирекции в войсковой столице – Владикавказе. А 31 августа 1892 г. его назначают заведующим Владикавказским мещанским училищем.

Не исключено, что успехом своей карьеры М.С. Лысенко был обязан Е.Н. Бутовой. Не явились ли их отношения завязкой некой драмы, сказавшейся на репутации учительницы? Мы знаем только то, что весной 1891 г. инспектор 2-го района Терской области запросил в Дирекции сведения о Е.Н. Бутовой [33], а приказом по Терской дирекции «учительница Бороздинского училища Бутова» была уволена по прошению, с 1 июня 1891 г. [34].

Где она находилась вплоть до осени 1894 г., когда поступила на службу в Дирекцию народных училищ Кубанской области? Известно лишь, что в 1893 г. выходит совместное исследование Е.Н. Бутовой и М.С. Лысенко о станице Ищерской, а также работы Елены Николаевны «Песни, поющиеся в станице Ищерской, Грозненского округа» и «Песни, поющиеся в станице Бороздинской, Кизлярского округа». Причем, «за статью, вышедшую в XVI выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» М.С. Лысенко была вынесена благодарность Попечителем Кавказского учебного округа [35]. Карьера Михаила Степановича стремительно идет вверх, создается впечатление, что его направляет какая-то умелая рука. Такое впечатление складывается потому, что стоило Елене Николаевне исчезнуть с горизонта, Лысенко постепенно стал скатываться вниз по служебной лестнице. Приказом по Кубанской дирекции с 1 октября 1894 г. была назначена «имеющая звание учительницы сельского и приходского начального народного училища Елена Бутова учительницей в Темнолесское станичное училище» [36]. Лысенко же, в результате жалоб на него 21 июля 1897 г. был отправлен в отставку и вынужден был умолять Попечителя Кавказского учебного округа К.П. Яновского «не отказать возвратить мне Ваше доверие и дать какое-либо место учителя, и Вы убедитесь в недалеком будущем, что возводимого на меня обвинения я не заслуживаю» [37]. К.П. Яновский, по-видимому, помня о бывших заслугах Лысенко, назначает последнего помощ-

ником классных наставников в Новороссийскую гимназию. Но здесь Михаил Степанович, по словам директора Новороссийской мужской гимназии, «вел не вполне трезвую жизнь». «Его нельзя было совершенно терпеть, — писал директор Попечителю Кавказского учебного округа 19 января 1911 г. Были случаи, что он брал плату за право учения от учеников и не передавал её по принадлежности, подложно засвидетельствовал две повестки с почты и присланное присвоил; в ассигновку, подписанную мною, он внес несколько рублей в свою пользу, наконец, подделал несколько ассигнований, по одной из которых успел получить 250 рублей» [38]. В другом документе отмечалось, что М.С. Лысенко, воспользовавшись «доверием своих сослуживцев, обманном образом присвоил часть содержания их» [39]. В итоге, «приговором Судебной Палаты Михаил Лысенко присужден к лишению всех прав и преимуществ и отдаче в арестантское отделение на три года и шесть месяцев с зачетом шести месяцев заключения до суда» [40].

О причинах разрыва с Е.Н. Бутовой можно только предполагать. Известно лишь, что М.С. Лысенко женился на дочери есаула Кубанского казачьего войска Ольге Трофимовне Арканниковой [41].

Статья «Станица Ищерская, Пятигорского отдела, Терской области», опубликованная в 1893 г. под двумя подписями, выполнена в рамках Программы Кавказского учебного округа. Авторы сообщают исторические и географические сведения о станице, приводят зафиксированные здесь предания: «Название своё, как говорят старики, станица получила от пещер, или, как в станице говорят, пещёр, в которых приходилось жить казакам в первое время по поселении» [42]. Станицу основали в 1770 г. волжские казаки. Всеволод Миллер, рецензировавший работу Е.Н. Бутовой и М.С. Лысенко, особо отметил зафиксированное собирателями предание о Емельяне Пугачеве. «Оказывается, что у ищерцев, — писал фольклорист, сохранилось любопытное предание о Пугачеве, который будто бы приходил к ищерцам и, видя недовольство казаков, предложил им отправиться в Москву к царице хлопотать об улучшении их положения, если они признают его атаманом» [43]. Авторы рассказали об археологических находках на территории станицы, дали характеристику местной флоре и фауне, климату и почвам.

Рассказывая о материальной культуре ищерцев, Е.Н. Бутова и М.С. Лысенко сообщают: «Дома большей частью плетены из хвороста — в две, но чаще в одну комнату. Дома называют здесь *куреньями*. Кроме куреней есть ещё так наз. *столбнянки*,

в которых летом готовят кушанья. Курень имеет в длину от 10–12 арш., а в ширину 6 арш. Убранство комнаты куреня состоит в следующем: в переднем углу, внизу божнички пелена (кусоч материи 4-х угольной формы), сшитая из какой-либо материи; на пелене нашит осьмиконечный крест. Праздничные пелены делаются из парчи или из шелковой материи. На божничке стоит несколько икон, но главным образом, иконы Спасителя, пресвятой Девы и Иоанна Крестителя (эти иконы староверы называют Дейсус), а кроме этих икон в каждом доме есть ещё и распятие; под иконами стоит стол; далее идут лавки, кровать, на которой лежит полст (редко перина) и подушки; над кроватью сделана деревянная жердочка (вделанная одним концом в матку, а другим в стену), на которой висит одежда. Кроме куреня, который строится козырем на улицу, и столбняки, стоящей рядом с куренем или против него, есть ещё амбары, которые строят на довольно высоком фундаменте (на подкладках), сараи, катухи, и почти у каждого баня. Полы, как в столбняках, так и в большей части куреней, земляные; крыши, за неимением камыша, соломенные, иногда смазанные глиной» [44].

Говоря об одежде, авторы описания отмечают, что «женщины ищерские носят европейские костюмы. Моды доходят через станицу Наурскую. Наур для Ищер своего рода Париж. Говорить и петь тоже стараются наурским говором». Мужчины носят «черкески черные, серые и коричневые. На работу надевают серые зипуны из толстого сукна. Носят бешметы, стеганные на вате, на одной подкладке, которые шьют из черного атласу, из кашемира (форменные голубого цвета, ситцевые, репсовые и шерстяные). Носят шапки, летом на работу надевают войлочные шляпы с большими полями. Обувь составляют сапоги, чевяки, поршни». В комплексе женского костюма перечислены «юбки с оборками, кофты «кирасы» и просто круглые, платья («принцессы»), платки. По будням фартуки по колена; сохранились ещё бешметы старинные, коротенькие, узенькие, не такие, как носят гребенички: около пояса нет ни складок, ни сбор, а есть на боках, к поясу, по одной большой складке; называются эти складки фантами. На верхней части узкого бешмета отвороты из другой материи, называемые закавражками».

В перечне блюд ищерской кухни названы «лапша с адамиками» (помидорами), «щи с говядиной или с рыбой», правда, описанный ассортимент для их приготовления скорее напоминает борщ: «В щи кладут капусту свежую, помидоры, картофель, петрушку, лук». Правда, отмечают краеведы, «некоторые из раскольников перестали есть картофель, который теперь зовут «поганим

зельем»; перестали есть вот почему: года два тому назад один старик раскольник посеял картофельные семена, только уродился не картофель, а что-то наподобие табаку. Вот раскольники и бросают есть картофель, но пока не все» [45].

Самое «излюбленное кушанье ищерцев селянка» или окрошка из помидоров. Приготавливается так: крошат помидоры, к ним прибавляют свежих или соленых огурцов, порезанных кусочками, луку, перцу, постного масла, иногда и чесноку. Селянку, приготовленную таким образом, едят чуть ли не десять раз в день».

В разделе о «физическом и нравственном состоянии жителей» отмечается, что «население станицы Ищерской – народ рослый и здоровый, но некрасивый, хотя черты лица более или менее правильные. Очень толстых, как и худощавых, между ищерцами встречается мало; большей частью они средней дородности, имеют хорошо развитую грудь, а потому и громкий голос. Зрение развито хорошо. Разговор несколько певучий; часто заменяют звуки – а, е – звуками – я, а, напр., «Ванька, чаго работае. Купи мне двандцать яблок и шешнадцать груш. Один яблок стоит две копейки». Народ вообще трудолюбивый и гостеприимный» [46].

В то же время, между православными и старообрядцами авторы отметили «явно враждебные отношения, что служит причиной больших неурядиц во время общественных сходов». Отмечены также случаи неуживания родителей и детей, жестокое обращение с женщинами.

Описаны в статье традиционные занятия ищерцев, а также времяпровождение в часы досуга. Собрания молодежи авторы называют «сиденками», отмечают ряжение на Святки, печение блинов в складчину на Масленицу, песенные хороводы на Пасху, завивание венков на Троицу. Авторы привели статистические данные о численности, конфессиональном составе станицы, материальном благосостоянии, общественных зданиях.

В целом очерк дает обзорное представление о культуре станицы Ищерской. В чём-то дополняет его работа Е.Н. Бутовой «Песни, поющиеся в станице Ищерской, Грозненского округа», опубликованная в этом же году в XV выпуске СМОМПК. Елена Николаевна описала здесь ищёрскую свадьбу с песенными текстами. Представляет интерес описание второго дня свадьбы, когда «все должны собраться на *коровай*. Собираясь на корвай, все гости ещё раз шумными увеселениями

дают знать родителям и всему миру о благополучном выходе молодой замуж: берут в руки пучки калины, нарочно заранее развешанные на крыше дома и в доме на полках, растирают в руках ягоды и соком их раскрашивают себе лица, в таком виде танцуют и поют» [47]. Завершение свадьбы представлено обрядом «хоронить концы» с разжиганием костра и прыжками через него, очевидную магическую направленность которого Е.Н. Бутова не объясняет.

Кроме того, в очерке приведены другие песенные тексты, которые Елена Николаевна группирует в троицкие, любовные, бытовые, былевые и исторические. Большой редкостью среди последних были зафиксированная собирателем былинная песня об Алешеньке Догрубнике и Угарине-змее, представлявшая вариант русских былин об Алеше Поповиче, песня о генерале Ермолове («И Кавказ отбит на Спас»), о взятии Варшавы.

В этом же выпуске была напечатана работа Е.Н. Бутовой «Песни, поющиеся в станице Бороздинской, Кизлярского округа», которая явилась дополнением к опубликованным в 1889 г. песенным текстам [48].

Станица Темнолесская Кубанской области, в которой оказалась Е.Н. Бутова, до 1904 г. входила в состав Баталпашинского отдела. Здесь Елена Николаевна получала содержание 386 руб. в год. Её коллегами стали Почетный блюститель начального станичного училища Василий Сергеевич Харламов, законоучитель Яков Васильевич Сретенский, учитель военной гимнастики Иван Васильевич Пучков [49].

В 1900 г. Е.Н. Бутова переводится в училище станицы Исправной Баталпашинского отдела [50], в 1902 г. в ст. Баталпашинскую, где становится заведующей женским училищем с жалованием 500 руб. в год [51]. Здесь Елена Николаевна настолько отдаёт всю себя делу народного образования, что ей была даже посвящена корреспонденция в газете «Северный Кавказ». Местный журналист А.Г. Макеев писал: «Как и везде, в наше училище для девочек был наплыв желающих учиться, но благодаря тому, что школьное помещение мало, учителям приходится многим отказывать в приеме. Это навело на мысль заведующую училищем Е.Н. Бутову обратиться к раздевальной комнате в классную. С этим проектом она обратилась по начальству, которое отнеслось к нему сочувственно. Дело стало за приговором общества, имеющего в своем

* По-видимому, все-таки – солянка. В ходе работы нашей экспедиции в ст. Ищерской Наурского района Чеченской Республики в 2018 г. никто из русских старожилов слова «селянка» не знал, зато солянку готовили все (См.: Матвеев О.В., Зудин А.И., Воронин В.В. Русские Чечни (по материалам экспедиций 2018 года). – Ростов-на-Дону: Печатная лавка, 2018. – С. 123).

распоряжении школьный капитал. Деньги нужны для расширения здания, для учебных пособий и для третьей учительницы. Так как проект Бутовой совпадает с интересами общества, то мы надеемся, что оно разрешит вопрос в утвердительном смысле.

Нельзя обойти и молчанием еще одного обстоятельства. Давно учительствуя, г. Бутова заметила, что, с одной стороны, дети к концу классов устают, а с другой, что их скудный завтрак, состоящий из соленых огурцов, селедки и т.п., вызывает сильную жажду, которую дети утоляют холодной водою, от чего простуживаются и заболевают то горловыми болезнями, то бронхитами. Чтобы дать детям возможность сытнее позавтракать, и чтобы избавить их от питья холодной воды, она придумала поить детей в 12 ч. чаем. Для этого, созвав родителей, предложила устроить общее чаепитие, на что и получила их согласие. Предположение, что достаточно потребно 20 коп. в месяц, в этом размере сделан сбор и открылось чаепитие. По словам г. Бутовой, дети после чайного завтрака чувствуют себя такими же бодрыми, какими они бывают с утра» [52].

Станица Баталпашинская ещё Указом императора Александра II от 30 декабря 1869 года была объявлена городом Баталпашинском. Однако ничего для развития городской инфраструктуры здесь практически не делалось, и Баталпашинская оставалась станицей вплоть до советского времени, хотя и была центром отдела. Вопросами народного образования руководство станицы занималось неохотно, спуская их на попечение редких благотворителей и отдельных жертвователей. Е.Н. Бутовой много пришлось хлопотать по преобразованию одноклассного училища в двухклассное. По-видимому, в обустройстве на новом месте, во многих делах ей помогала супруга инспектора городского училища Л.А. Потапова, которая занималась благотворительностью. Однако в июле 1903 г. Любви Алексеевны не стало... С болью в сердце Елена Николаевна писала: «Покойная была редкая женщина по уму, сердечной доброте и по той благотворительной деятельности в оказании ближним помощи, какую она проявляла все года, живя в Баталпашинской. Вся станица проводила бранные останки её в место вечного упокоения с большою горестью и слезами. Общество вспомоществования бедным учащимся, где покойница состояла председательницею, понесло ничем и никогда незаменяемую потерю. В память Любви Алексеевны Потаповой нужно бы собранию написать постановление, чтобы Любовь Алексеевна Потапова, положившая столько сил на пользу меньшей братии, при своём слабом здоровье, что может было причиной её преждевременной смерти<...>. Кто верит в бессмертие души, тот, сидя в

правлении, задаст себе вопрос, как бы поступила покойница, получить ответ и в память её постараться сделать как можно больше добра» [53].

В своей статье, опубликованной в «Кубанских областных ведомостях», Елена Николаевна подвергла резкой критике местное самоуправление: «Общество станицы Баталпашинской за постройкой собора и слишком дорогого иконостаса нажило много долгов. О том, как нужно было проводить эту постройку, чтобы не было долгов, говорить теперь поздно. В настоящее время нужно думать, как и чем жить и как выпутаться из такого положения. Между тем сбор Баталпашинской об этом думает мало, говорит очень много; говорит не к делу и не у места. Где бы в таких обстоятельствах жить как можно ладнее, да почаще советоваться, как помочь беде, слушать бы советов и других лиц, кто мог бы что-нибудь путное посоветовать – сбор, преследуя личные интересы, как будто бы положил себе за правило изживать станичных атаманов» [54].

Е.Н. Бутова привела конкретные, нелицеприятные для местного общества факты: «В январе прошлого года станичного атамана не было, помощник атамана исправлял должность его. Шли выборы атамана. Сколько выборных, столько и кандидатов предлагали. Наконец, избрали атамана. Утвердили. Но выборным скучно без магарычей. Начинают делать неприятности атаману и последний, приняв должность в конце марта, в ноябре уволился. Опять исправляет должность помощник и, наконец, в январе сбежал. Бросил должность. Исполняет должность другой помощник. Выбрали атамана. В марте поступил, в первых числах июня уволился. Служить нет никакой возможности. Оскорбление, сбор баламутов никого и ничего, кроме даровой выпивки не признаёт» [55].

Е.Н. Бутова внесла конкретное предложение. Прозвучавшее на всю Кубань, в областной газете, оно явилось настоящим вызовом местному обществу: «Да самое главное для исправления станицы здесь нужен атаман, назначенный административным порядком. Нужны хотя и крутые, но серьезные меры. Необходимо лишить года на два права голоса на сборе. Ограничить их власть к их же пользе» [56].

Пожелание Елены Николаевны не могло сбыться, поскольку это было бы нарушением порядка станичного самоуправления, узаконенного специальным Положением об общественном управлении казачьих войск 1891 г. Однако обращение учительницы отразило и кризисные явления в станичном самоуправлении начала XX столетия. Сама замена схода сбором, уменьшение числа выборных участников сбора по Положению

1891 г. позволяли заинтересованным лицам, неофициальным хозяевам станицы, «партиям», как их называли, за «магарыч» проводить необходимые им решения от имени станичного общества.

С горечью Е.Н. Бутова описывала в статье станичные недуги: «Баталпашинская в настоящее время являет очень жалкую и печальную картину. Денег нет, а если есть, то не знают, куда их употребить. Платить ли долги, или проценты, или жалование служащим. Нигде и ни в чём нет порядка. Здания общественные без ремонта разрушаются. Женское училище, особенно квартира, в жалком состоянии: фундамент вывалился, балки подгнили, в полах трещины, двери никуда не годны, мазать снаружи уже давно пора. Жить невозможно, а ничего не поделаешь! Правление течёт — крыша негодная; но на это всё-таки нужны средства, а вот даже кладбище в каком состоянии находится — невозможно и описать эту картину. Там и деньги не нужны, а распоряжение никто не делает. Кладбище — место упокоения. Не хотелось бы попасть на баталпашинское кладбище, несмотря на то, что нелегко живётся. Это значит и в жизни мучиться и после смерти могилу в покое не оставят. Ни сторожа, ни ограды, как следует. По кладбищу вольно гуляют и лошади, и скотина, и свиньи. Кресты и памятники ломают. Тяжкое впечатление, и не в духе христианской православной веры все это делается» [57].

Простить подобного выступления хозяева станицы не могли. По-видимому, решено было нанести ответный удар, причём по самому больному, по делу, которому Елена Николаевна посвятила свою жизнь. В сентябре 1903 г. Е.Н. Бутовой, наконец, удалось открыть двухклассное училище. Для того, чтобы усилить эффект от этого события, было решено устроить торжественный обед. На открытие училища станичное общество выделило 50 руб. Это событие и решили обыграть в явно заказном газетном фельетоне недоброжелатели новой заведующей. Драматизм ситуации заключался в том, что последние действовали якобы от имени оскорбленных детей. В октябре 1903 г. в «Кубанских областных ведомостях» появляется материал о торжественном обеде в Баталпашинском женском училище, автор которого скрывался под псевдонимом «Пообедавший».

В фельетоне сообщалось, что «15 сентября было открытие школы для девочек, преобразованной в двухклассную. Открытие позднее: в городском училище с 22 сентября началось ученье. Открытие было больше чем странное. Началось оно, как и во всех школах, молебном, после которого учительницей г-жей Б-ой был устроен обед... Не для учениц только. Г-жа Б-ва убедила каким-то образом станичное общество ассигновать 50 руб.

Наше общество бедно. И сама Б-ва писала об этом в «Куб. обл. вед.». У него и проценты на долги, и долги, и правление, и школы — всё требует денег. На дело более продуктивное нет, мосты поразваливались... А в школе самая плохенькая, тощая библиотека. Сюда бы 50 руб. И вдруг обед... Правда, 50 руб. деньги небольшие. Но у кого их нет, это богатство.

И обед странный: не для детей. Конечно, те лица, которые, как атаман отдела, станицы, Попечитель, члены училища, которые так или иначе заботятся о школе — желанные гости, перед ними двери каждой школы широко раскрыты. Но были приглашены люди, непричастные к школе, никогда в неё не заглядывающие, не думающие о ней.

Детей после молебна отправили «не солоно хлебавши». За обедом говорили тосты... Играла музыка...А потом... Началась игра в карты. И это — открытие школы!.. На открытиях школ главное забота о детях. Школа — для детей, и все, что для нее — для детей. Зачем же, пользуясь случаем, на общественный счет устраивать обед не для детей, как оно следовало, а для своих знакомых? Зачем устраивать в школе карты и танцы в такой торжественный день, который должен быть примерным для всех дней, какие проводят дети в школе. И музыка, и пение, и даже танцы хороши в школе, если они для детей, имеют целью их удовольствие.

Приятно было бы видеть такое открытие школы, где дети, раскрасневшись от удовольствия и волнения, рассказывают басни и стихи, где учителя живут и картинно читают художественные рассказы, заставляя разевать рты и блистать глазенки детей, где поются песенки, играют, бегают...А в этот раз детей не было. Их выпроводили, чтобы не мешали. Хорошего мало» [58].

Статья очень напоминает зашифрованный донос: заведующая, говоря современным языком, обвинялась в нецелевом расходовании общественных средств, хотя сама недавно жаловалась на станичное общество в газету. Вместо того, чтобы использовать эти деньги на школьную библиотеку, или покормить бедных школьников, устраивает на территории училища картежные игры и танцы под патефон, причем не для уважаемых людей, а для своих друзей и знакомых!

Спустя две недели в газете появляется новая статья, написанная на этот раз в жанре дневника одной из учениц. Главный смысл заключался в том, что иллюзии наивной, жаждущей знаний девочки наталкиваются на обман и холодный цинизм Бутовой, а обещания и утопические прожекты заведующей при откровенном игнорировании интересов детей подрывают веру последних в светлое и разумное. Приведем выдержки из этого дневника:

«Вчера, 12 июля, отец мне сказал, что наша женская одноклассная школа теперь будет двухклассной. <...>. Мне хотелось не только быть грамотной, но <...> и заботиться о развитии темного народа, о просветительном влиянии на него. Я захотела учиться на учительницу. Я буду самостоятельной, я буду сеять свет и правду! О! Как хорошо!! Пойду, непременно пойду к учительнице 2-го класса Бутовой.

22 августа. В городском училище началось ученье. Вероятно, и в двухклассной школе оно скоро начнется. Надо надеяться.

23 августа. Вчера вечером я была у Б-ой. О! Как я рада! Моя заветная мечта исполняется. Учительница сказала, что ученицы нашей школы, окончив курс, будут первыми кандидатками в женскую учительскую семинарию, которая открывается в Армавире. Ей обещал инспектор (народных училищ) – это учительница говорила, так устроит, что все окончившие в нашей школе, будут приняты в семинарию. Как я рада! Как я рада!

30 августа. Была опять в училище с подругами, которые тоже хотят учиться. Учительница говорит, что не знает, когда будет открытие. Ох, как досадно и тяжело ждать!

31 августа. Отец сегодня сказал, что 16 сентября (это ещё через две недели)! Будет открытие школы. Говорил, что учительница Б-ва просила общество ассигновать 100 руб. на угощение детей и на обед должностных лиц и родителей <...>.

14 сентября. <...> Вот интересно, какие подарки будут выданы детям? Фрося говорит, дадут по пирогу, конфет, орехов и по стакану чаю. Ну, я за угощением не гонюсь. Скорей бы учиться, учиться...

15 сентября. Открытие училища. Молебен. Обед. Музыка. А девочкам не было угощения. И дети и родители недовольны: их почему-то обошли. «За что же? – говорил отец. – Ведь обед на общественный счет». Ну, слава Богу, завтра ученье! Я принята! Ура!!!

16 сентября. К учительнице приехал брат, и она уехала с ним, но, вероятно, не надолго.

17 сентября. Вчера и сегодня мы не учились. Молодые учительницы, не получив подробных указаний от Б-ой, не знают, что делать с новым четвертым отделением <...>.

19 сентября. Учительницы Б-ой нету <...>.

20–26. Занятия идут вяло и туго. А шалим целыми часами. Досадно, скучно и жалко! Пропадает дорогое время. А Б-ой нет. Ох, как я зла на неё! Целый класс, не начав, бросить и путешествовать себе! Нехорошо это, нехорошо... Все недовольны: и девушки, и родители.

Б-ва говорила, что она поехала хлопотать о том, чтобы в Бат-ке была открыта гимназия (?).

Поехала к Атаману области. Говорят, что ей поручено г. инспектором Л-м. Но все-таки, если это и так, оставлять дело, бросать ученицу без книги, не начавши ученья, не давши направления, мне кажется легкомыслием.

27 сентября. Возвратилась учительница, мы обрадовались. Думали, он привезла книги и охоту с нами познакомиться и заниматься. Напрасная надежда. Книг нет и нет охоты у г-жи нашей наставницы учить нас <...>.

5 октября. Целую неделю г-жа Бутова хлопотет об устройстве проводов переведенного из Б-ска инспектора городского училища: тут по подписке деньги надо собрать, там позаботиться о самом обеде. Где же заниматься делом! <...> Многие девушки уже бросили. «Бог с ним, с таким учением», – говорят они. А книг нет и нет. Заниматься туго. То диктант, то задачи, то разбор, а больше играем, шалим да смеемся <...>.

8 октября. После проводов «наша наставница» 7 октября отдыхала. А 8 октября укатила куда-то. Вероятно хлопотать об женских высших курсах, об университете. Зачем же ещё? А мы опять без определения.

18 октября. <...> Сегодня наша учительница в первый раз посвятила все учебные часы нам, своим ученицам. Но не было в классе оживления, интереса и бодрости. Сама учительница была вяла и рассеянна (больше курила, чем говорила), а еще рассеянее, еще несерьезнее были ученицы. Если так будет идти дело, не будем мы кандидатками в учительскую семинарию. Сердце сжимается от страха и досады» [59].

Несмотря на стремление автора вести разговор от имени девочки, «дневник» написан явно недетским языком. Постоянно проскальзывают сарказм, злая ирония над утопиями о гимназии, высших женских курсах, намеки о связи с коллегой из городского училища, откровенный донос на то, что учительница пропускает занятия или ведёт их спустя рукава, курит в присутствии детей и пр. Представляется, что публикации достигли своей цели, по крайней мере их прочитали в Дирекции народных училищ Кубанской области и приняли соответствующие меры. С 1905 г. в «Кубанских календарях» и в других официальных источников имя Е.Н. Бутова больше не упоминается. Вернулась ли она на родину, уехала ли к упомянутому в дневнике девочки брату, все это еще предстоит выяснить, как и то, где и когда завершила свой земной путь Елена Николаевна.

Пока же отдадим должное её службе почти четверть века на ниве народного просвещения в терских и кубанских станицах, замечательным работам Е.Н. Бутовой о культурном наследии казачества, публи-

кациям уникальных сказочных и песенных текстов, позволяющим сегодня реконструировать духовное богатство мира станичников, среди которых жила и учила их детей скромная учительница.

**“They put out the candle lit by the icon and look ...”:
FOLKLOR-ETHNOGRAPHIC HERITAGE OF A VILLAGE TEACHER**

Литература:

1. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 12; Белецкая. Е.М. История собирания казачьего фольклора на Тереке: итоги и перспективы // Терский сборник. – Вып. 1 / отв. ред. О.В. Губенко. – М., 2016. – С. 150–151.
2. Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. – С. 365.
3. Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). – Ф. 125. – Оп. 1. – Д. 161. – Л. 3.
4. Воротникова М.В., Шаламов В.В. Женское образование на территории Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв. // Педагогическое образование в России. – 2015 – 2. – С. 7.
5. ЦГА РСО-А. – Ф. 125. – Оп. 1. – Д. 161. – Л. 4.
6. Кикоть Вл. Описание станицы Умахан-Юртовской, Терской области, Кизлярского отдела // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). – Тифлис, 1893. – Вып. 16. – Отд. I. – С. 80.
7. Там же. С. 77–78.
8. Там же. – С. 78.
9. Там же.
10. ЦГА РСО-А. – Ф. 125. – Оп. 1. – Д. 161. – Л. 4.
11. Там же. – Л. 4 об.
12. Там же.
13. Личный состав Кавказского учебного округа к 1 января 1886 г. // Отчет Попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1885 год. – Тифлис, 1886. – Прил. III. – С. 212.
14. От Управления Кавказского учебного округа // СМОМПК. – Тифлис, 1881. – Вып. I. – С. I.
15. Там же. – С. III.
16. Там же. – С. V.
17. Там же.
18. Там же. – С. VIII–XXIV.
19. Миллер Вс. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск XV, XVI и XVII. Тифлис, 1898 // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., – 1894. – Январь. – С. 186.
20. Личный состав Кавказского учебного округа к 1 января 1886 г. – С. 215.
21. Бутова Е. Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // СМОМПК. – Тифлис, 1889. – Вып. 7. – Отд. I. – С. 3.
22. Там же. – С. 5.
23. Там же. – С. 9.
24. Там же. – С. 12–13.
25. Там же. – С. 21.
26. Там же. – С. 40.
27. Там же. – С. 52.
28. Там же. – С. 54.
29. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. – М., 2000. – С. 531–532.
30. Станица Ищерская, Пятигорского отдела Терской области / Составлено на основании данных, предоставленных учительницами Бутовой и Лысенко // СМОМПК. – Тифлис, 1893. – Вып. XVI. – Отд. I. – С. 37.
31. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 427. – Оп. 2. – Д. 950. – Л. 14 об.
32. Лысенко М., учитель. Ищерская // СМОМПК. – Тифлис, 1889. – Вып. VIII. – Отд. I. – С. 84–85.
33. ЦГА РСО-А. – Ф. 125. – Оп. 1. – Д. 161. – Л. 4.
34. Циркуляр по управлению Кавказским учебным округом (ЦУКУО). – Тифлис, 1891. – № 12. – С. 822.

35. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). – Ф. 427. – Оп. 2. – Д. 950. – Л. 15 об.
36. ЦУКУО. – Тифлис, 1891. – № 12. – Декабрь. – С. 935.
37. ГАКК. – Ф. 427. – Оп. 2. – Д. 950. – Л. 5 об.
38. Там же. – Л. 18 об.
39. Там же. – Л. 38.
40. Там же. – Л. 44.
41. Там же. – Л. 15.
42. Станица Ищерская, Пятигорского отдела, Терской области. – С. 37.
43. *Миллер Вс.* Указ. соч. – С. 195.
44. Станица Ищерская, Пятигорского отдела. Терской области. – С. 42.
45. Там же. – С. 48.
46. Там же. – С. 46.
47. *Бутова Е.* Песни, поющиеся в станице Ищерской, Грозненского округа // СМОМПК. – Тифлис, 1893. – Вып. XV. – Отд. I. – С. 52.
48. *Бутова Е.* Песни, поющиеся в станице Бороздинской, Кизлярского округа // СМОМПК. – Тифлис, 1893. – Вып. XV. – Отд. I. – С. 290–301.
49. Личный состав Кавказского учебного округа к 1 января 1895 г. // Отчет Попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1894 год. – Тифлис, 1894. – Прил. III. – С. 268.
50. Кубанский календарь на 1900 год / *Под ред. С.В. Руденко.* – Екатеринодар, 1899. – С. 64.
51. Личный состав Кавказского учебного округа к 1 января 1904 года. – Тифлис, 1904. – С. 51.
52. *Макеев А.Г.* Ст. Баталпашинская, Куб. обл. (Благие начинания) // Северный Кавказ. – 1902. – № 131. – 2 ноября. – С. 3.
53. *Учительница Бутова.* Стан. Баталпашинская // Кубанские областные ведомости (КОВ). – 1903. – № 169. – 2 августа. – С. 1.
54. Там же.
55. Там же.
56. Там же.
57. Там же.
58. *Пообедавший.* Ст. Баталпашинская // КОВ. – 1903. – № 219. – 8 октября. – С. 1.
59. *Жаждающая.* Станица Баталпашинская (Двухклассное училище. Из дневника ученицы 4-го отделения 2 класса) // КОВ. – 1903. – № 238. – 1 ноября. – С. 2.

